

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЕ УГРОЗЫ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ СДЕРЖИВАНИЯ

Ключевые слова: ракетное распространение, «проблемные» страны, средство доставки ОМУ, экспортный контроль, национальные ракетные программы, международный режим ракетного нераспространения

Аннотация: В статье исследуются военно-политические аспекты распространения ракетно-ядерных вооружений, анализируются непрекращающиеся дискуссии в американском экспертном сообществе по этим вопросам. Рассматриваются работы большого числа американских аналитиков, в которых раскрывается влияние ракетного распространения на систему региональной и международной безопасности.

Keywords: missile proliferation, rogue countries, means of delivery of WMD, export control, national missile programs, international regime of missile nonproliferation

Abstract: The article analyses a number of recent publications on missile proliferation. The author provides a thorough overview of broad discussion in U.S. expert community on these issues. The article critically analyzes works by prominent American analysts who describe and define the influence of missile proliferation on the new world power balance.

I.

В XXI в. ракетное распространение стало одной из глобальных угроз для всей системы международной безопасности. Уже более 20 развивающихся стран обладают баллистическими ракетами малой дальности, и не менее 10 стран способны самостоятельно производить в рамках национальных программ баллистические ракеты средней дальности.¹ Так, в докладе, посвященном проблеме ракетного распространения, представленном в июле 1998 г. специальной комиссией, созданной по инициативе Конгресса, были обнародованы выводы о том, что «враждебные по отношению к США» страны способны в среднесрочной перспективе наладить производство и осуществить развертывание баллистических ракет межконтинентальной дальности.² В сентябре 1999 г. был опубликован доклад Национального разведывательного совета с новой оценкой ракетных угроз. В документе указывалось на наличие ряда компонентов ракетно-ядерного арсенала в нескольких развивающихся

странах.³ В свою очередь, в «Четырехлетнем обзоре в области обороны», оглашенном в сентябре 2002 г., отмечалось, что масштабы ракетного распространения на тот момент превзошли прогнозные оценки и способны и далее расти более быстрыми темпами, чем ожидалось.⁴

И хотя вероятность применения баллистических ракет межконтинентальной дальности против США в среднесрочной перспективе оценивается аналитиками национального разведывательного сообщества как относительно низкая, активизация разработки и производства баллистических ракет средней и меньшей дальности в ряде развивающихся стран может создать растущую угрозу группировкам вооруженных сил США, развернутым на удаленных ТВД.⁵ Кроме того, распространение ракет и ракетных технологий, по экспертным заключениям, закладывает предпосылки для непосредственной угрозы объектам стратегической инфраструктуры, находящимся на территории американских союзников и партнеров. При этом в качестве наиболее уязвимых для ракетных ударов со стороны ряда так называемых проблемных стран, прежде всего, упоминаются государства, составляющие южный рубеж НАТО.⁶ Предполагается также, что потенциальный противник может использовать угрозу ракетного нападения для политического давления на Североатлантический альянс в целом.⁷

К тому же, политическую и военно-стратегическую напряженность формирует не только распространение баллистических ракет. Страны, стремящиеся усовершенствовать национальный ракетный арсенал, испытывают соблазн, по мнению американских экспертов, предпринять усилия по ускоренному развертыванию дальнобойных крылатых ракет, которые являются более дешевым и технологически простым средством ведения противоборства по сравнению с баллистическими ракетами.⁸ В данном направлении их дополнительно подталкивает появление на мировых рынках нового поколения дальнобойных крылатых ракет с повышенной дальностью и точностью, оснащенных боеголовками большой поражающей мощи, что, в свою очередь, может иметь негативные последствия для региональной и международной безопасности.

Причинами, стимулирующими форсированное распространение крылатых ракет, по оценкам американских экспертов, являются: относительная дешевизна их производства или приобретения; простота технического обслуживания и боевого применения; технологическая и оперативная гибкость в качестве средства доставки ОМУ; высокая точность; возможность скрытного подлёта к цели с использованием технологии «стелс» и рельефа местности; способность уничтожать высокозащищённые точечные цели, что может иметь принципиальное значение в современных конфликтах; сложность обнаружения и сопровождения на малых и предельно малых высотах; возможность скрыть район запуска.⁹ Широкому распространению крылатых ракет способствовало и отсутствие жестких международно-правовых ограничений на их развертывание (по сравнению с ограничениями на развертывание баллистических ракет).

При этом если какое-либо «проблемное» государство уже обладает крылатыми ракетами малой дальности (такие ракеты широко представлены на мировом рынке вооружений), то для разработки дальнобойных крылатых ракет

ему потребуется гораздо меньше организационных, финансовых и технических усилий, чем для решения аналогичной задачи в отношении баллистических ракет. Это связано, прежде всего, с тем, что для увеличения дальности баллистических ракет необходимо осуществить их серьезную качественную модернизацию, в частности, заменить одноступенчатую схему ракеты многоступенчатой, создать новые твердотопливные или жидкостные ракетные двигатели, значительно усовершенствовать технические характеристики системы управления.

В свою очередь, принципиальных отличий между крылатыми ракетами малой и большой дальности не существует. К тому же программы создания новейших крылатых ракет легко скрыть, учитывая их относительно небольшие габариты и особенности летных испытаний. Поэтому страна, обладающая современной технологией для производства крылатых ракет малой дальности имеет возможность достаточно оперативно и при минимальных затратах развернуть массовое производство дальнобойных крылатых ракет. При этом производственным фундаментом для их создания могут вполне успешно послужить не только ракетные, но и авиационные технологии.

По мнению американских аналитиков, крылатые ракеты могут оказаться более эффективным средством доставки ОМУ из-за своих боевых и эксплуатационных характеристик (некоторые из последних выглядят предпочтительнее технических характеристик баллистических ракет). Так, за счет широких возможностей использования систем управления, оснащенных спутниковой навигацией, крылатые ракеты могут обладать более высокой точностью, а благодаря относительно малой скорости полета – быть более приспособленными для доставки не только ядерного, но и других видов ОМУ. К тому же, возможность полета крылатых ракет на малых высотах с отслеживанием рельефа местности облегчает задачу преодоления стратегических оборонительных систем противника, а сравнительно небольшие массо-габаритные характеристики упрощают и подходы к эксплуатации транспортно-пускового оборудования. Поэтому американские эксперты рассматривают массированное боевое применение крылатых ракет в качестве одной из главных угроз региональной и международной безопасности уже в недалеком будущем.

II.

Наибольшую угрозу отмеченный процесс приобрёл с выводом национальных программ разработки баллистических и крылатых ракет на параллельные курсы с программами по созданию ОМУ. Здесь характерен пример Китая и Северной Кореи.

КИТАЙ выдвинулся на позиции ведущего экспортера ракет и ракетных технологий в развивающиеся страны.¹⁰ Национальная ракетная программа развивается здесь с начала 1950-х гг. и уже в 1960 г. были поставлены на боевое дежурство баллистические ракеты DF-1, а в 1964 г. – ракеты DF-2. В 1971 г. началось развертывание жидкостных баллистических ракет DF-3А грунтово-мобильного и шахтного базирования дальностью 3,1 тыс. км. В 1980 г.

были приняты на вооружение двухступенчатые жидкостные ракеты DF-4 шахтного базирования дальностью 5,5 тыс. км, а в 1981 г. – двухступенчатые жидкостные ракеты DF-5А шахтного базирования дальностью 13 тыс. км. В 1991 г. началось развертывание двухступенчатых твердотопливных ракет DF-21 грунтово-мобильного базирования дальностью 2,1 тыс. км, в 2006 г. – трехступенчатых твердотопливных ракет DF-31 грунтово-мобильного базирования дальностью 7,2 тыс. км, а в 2007 г. – ракет DF-31А дальностью более 11,2 тыс. км, которые могут оснащаться ядерными боеголовками индивидуального наведения.

Двухступенчатые твердотопливные ракеты морского базирования JL-1 дальностью 1,7 тыс. км, созданные на базе ракеты DF-21, были приняты на вооружение в 1986 г. Ракетами JL-1 должна была оснащаться ПЛАРБ класса «Хиа» (проект 092), которая, по оценкам американских специалистов, была выведена из боевого состава.¹¹ В стадии доводочных испытаний ныне находится трехступенчатая твердотопливная ракета морского базирования JL-2 дальностью 7,4 тыс. км, созданная на базе ракеты DF-31, которая может оснащаться ядерными боеголовками индивидуального наведения. Планируется, что ракетами JL-2 будут оснащаться новейшие ПЛАРБ класса «Jin» (проект 094) с 12 пусковыми установками на каждой.¹² Кроме этого, ведутся активные мероприятия по созданию дальнобойных крылатых ракет. Так, в 2007 г. началось развертывание крылатых ракет DH-10 дальностью более 1,5 тыс. км. По оценкам американских аналитиков, на экспорт Китай предлагает, прежде всего, твердотопливные баллистические ракеты DF-15 дальностью 600 км и DF-11 дальностью 300 км, которые в экспортном варианте получили обозначение M-9 и M-11.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ также является активным экспортером ракет и ракетных технологий в развивающиеся страны. Национальная ракетная программа развивается с начала 1970-х гг., когда были приобретены баллистические ракеты «Скад-В» дальностью 300 км.¹³ Ракеты «Скад-С» дальностью 600 км были приняты на вооружение в 1990 г. Однако уже с конца 1980-х гг., по оценкам американских аналитиков, Северная Корея перестала зависеть от импортных поставок ракет и ракетных технологий и приступила к полномасштабной реализации национальной ракетной программы на основе глубокой модернизации ракет «Скад». Так, в 1993 г. были проведены испытания баллистической ракеты «Нодонг-1» (Nodong) грунтово-мобильного базирования дальностью 1,3 тыс. км, при производстве которой использовались китайские ракетные технологии, в частности, компоненты жидкостных ракетных двигателей. Её модификация – ракета «Нодонг-2» дальностью 1,5 тыс. км, принятая на вооружение в конце 1990-х гг., может оснащаться ядерной боеголовкой.

Кроме баллистических ракет средней дальности Северная Корея проводит активные мероприятия по разработке баллистических ракет межконтинентальной дальности. Так, двухступенчатая жидкостная ракета «Тэподонг-1» (Taepodong) дальностью 2 тыс. км является глубокой модернизацией ракеты «Нодонг-1». Её модификация – ракета «Тэподонг-2» имеет дальность 6 тыс. км. По имеющимся сведениям, Северная Корея

работает над созданием следующего поколения ракет «Тэподонг» грунтово-мобильного базирования дальностью 12 тыс. км. При этом Китай продолжает оказывать активную помощь в развитии северокорейской ракетной программы путем поставок различных компонентов для ракетных двигателей и систем управления.

ИРАН с начала 1980-х гг. развивает национальную ракетную программу, тесно сотрудничая с Китаем и Северной Кореей.¹⁴ Так, импортные ракетные технологии использовались им для производства баллистической ракеты «Шахаб-3» (Shahab) грунтово-мобильного базирования дальностью 1,5 тыс. км, которая была принята на вооружение в 2003 г. Ее модификация – ракета «Гадр-1» (Ghadr) имеет дальность 1,6 тыс. км. В разработке находится двухступенчатая твердотопливная ракета «Саджил-2» (Sajjil) дальностью 2 тыс. км. Импортные ракетные технологии, в частности, жидкостные ракетные двигатели использовались и при создании двухступенчатой ракеты «Шахаб-4» дальностью 2,8 тыс. км. Ее трехступенчатая модификация с твердотопливным ускорителем имеет дальность 4 тыс. км. В середине 1990-х гг. Иран приступил к разработке трехступенчатой твердотопливной ракеты «Шахаб-5» дальностью 5 тыс. км, при создании которой также используются импортные ракетные технологии. Кроме этого, в Иране приняты на вооружение модернизированные аналоги китайских ракет М-9 и М-11. Согласно экспертным заключениям, Иран стремится к обретению ракетно-ядерного оружия, используя для этого широкий спектр технических средств и оперативных возможностей по импорту расщепляющихся материалов и ядерных технологий.¹⁵

ПАКИСТАН развивает национальную ракетную программу с начала 1960-х гг., активно сотрудничая с Китаем и Северной Кореей.¹⁶ Так, после глубокой модернизации закупленных в Китае баллистических ракет М-11 и М-9 в 2004 г. были приняты на вооружение ракеты «Газнави» (Ghaznavi) дальностью 300 км и «Шахин-1» (Shacheen) дальностью 650 км. В 2003 г. началось развертывание жидкостной ракеты «Гхаури-1» (Ghauri) грунтово-мобильного базирования дальностью 1,2 тыс. км, созданной на основе северокорейской ракеты «Нодонг». В стадии разработки находится двухступенчатая твердотопливная ракета «Шахин-2» грунтово-мобильного базирования дальностью 2 тыс. км.

Помимо разработки баллистических ракет Пакистан ведет масштабные работы по созданию крылатых ракет, в частности, ракеты «Бабур» (Babur) наземного базирования дальностью 700 км и ракеты «Раад» (Ra'ad) воздушного базирования дальностью 350 км.

ИНДИЯ развивает национальную ракетную программу с начала 1970-х гг., используя иностранную помощь. В 1994 г. была принята на вооружение жидкостная ракета «Притхви-1» (Prithvi) грунтово-мобильного базирования дальностью 150 км. В 2004 г. вступила в строй её модификация – ракета «Притхви-2» дальностью 250 км. С 2008 г. осуществляется развертывание твердотопливной ракеты «Агни-1» (Agni) грунтово-мобильного базирования дальностью 700 км, а также её модификации – ракеты «Агни-2» дальностью 2 тыс. км. В 2010 г. принята на вооружение трехступенчатая твердотопливная ракета «Агни-3» грунтово-мобильного базирования дальностью 3 тыс. км. В стадии разработки находятся трехступенчатая твердотопливная ракета «Агни-

4» дальностью более 3 тыс. км, ее модификация – ракета «Агни-5» дальностью более 5 тыс. км, жидкостная ракета морского базирования «Дхануш» (Dhanush) дальностью 350 км, двухступенчатая твердотопливная ракета морского базирования К-15 дальностью 700 км, а также трехступенчатая твердотопливная ракета морского базирования К-4 дальностью 3,5 тыс. км, которыми планируется оснащать новейшие ПЛАРБ класса «Ариант» (Arihant) с 12 пусковыми установками на каждой.¹⁷ Помимо программ в области баллистических ракет Индия наметила масштабные проекты по созданию дальнобойных крылатых ракет.

Израиль также обладает широкими возможностями в области ракетостроения. Национальная ракетная программа развивается с начала 1960-х гг. В 1973 г. принята на вооружение твердотопливная ракета «Джерико-1» (Jericho) дальностью 600 км. В 1990 г. началось развертывание двухступенчатой твердотопливной ракеты «Джерико-2» грунтово-мобильного и шахтного базирования дальностью 1,8 тыс. км. В стадии разработки находится трехступенчатая твердотопливная ракета «Джерико-3» дальностью более 4 тыс. км, которая может оснащаться ядерными боеголовками индивидуального наведения.¹⁸

Помимо разработки баллистических ракет ведутся масштабные работы по созданию дальнобойных крылатых ракет, морскими носителями которых, как планируется, будут дизель-электрические подводные лодки класса «Долфин» (Dolphin), закупаемые в Германии.

Сирия предпринимала усилия по импорту ракет и ракетных технологий с начала 1970-х гг., сотрудничая с Китаем, Северной Кореей и Ираном. До ликвидации ракетной программы Ирака в 1991 г. Сирия, по оценкам американских аналитиков, получила доступ к иракским ракетам «Скад-В». Кроме этого, в Сирии развернуты модернизированные аналоги китайских ракет М-9 и М-11.

В целом, тенденции развития ракетного распространения сводятся к стремлению ряда региональных государств стать обладателями дальнобойных высокотехнологичных ракетных систем вооружений в качестве основного средства доставки ОМУ. При этом активные усилия предпринимаются как в рамках национальных ракетных программ, так и путём импорта ракет и ракетных технологий.

III.

Проблема ракетного распространения на международном уровне обсуждается уже более двух десятилетий. Именно её осознание в военно-политических и академических кругах ряда ведущих стран (первоначально это были государства «Большой семёрки» – США, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Япония и Канада) и привело к учреждению в апреле 1987 г. Режимы контроля за ракетными технологиями (Missile Technology Control Regime, РКРТ), который рассматривался как логическое продолжение мер по обеспечению ядерного нераспространения.¹⁹

Первые механизмы контроля над ракетными вооружениями были резуль-

татом главным образом совместных усилий двух ядерных сверхдержав, обладавших наибольшими ракетными арсеналами. Понимая важность этого направления в деле обеспечения международной безопасности, СССР и США последовательно шли по пути расширения охвата соответствующими договорённостями ракетных систем различных классов. Достигнутые соглашения в области контроля над вооружениями и не были всеобъемлющими, универсальными. Тем не менее, они были способны послужить определенным отправным пунктом в процессе институционализации международного режима ракетного нераспространения.

РКРТ выступил в качестве неформального и добровольного объединения стран, разделяющих цели нераспространения ракетных средств доставки ОМУ и стремящихся с помощью скоординированных мер по контролю над экспортом остановить распространение, прежде всего, баллистических ракет. При этом режим явился единственным в своем роде международным соглашением об экспорте ракет, профильного оборудования, материалов и технологий, относящихся к средствам доставки ОМУ. Когда РКРТ начинал формироваться основные усилия направлялись на контроль за баллистическими ракетами, способными доставлять полезную нагрузку массой более 500 кг на дальность свыше 300 км. Эти технические параметры рассматривались в качестве характерных для баллистических ракет, которые могли быть использованы для доставки ядерного оружия первого поколения. В дальнейшем страны – участницы РКРТ расширили сферу контроля, включив в неё крылатые ракеты и беспилотные летательные аппараты.

Партнеры по режиму придерживаются единых Руководящих принципов, касающихся передачи ракет, ракетных технологий, компонентов, профильного оборудования и составляющих концептуальную основу для формирования национальной политики экспортного контроля:

- отказ от выдачи разрешений на экспорт систем Категории I.²⁰
- запрет на экспорт материалов, оборудования и технологий Категории II²¹;
- контроль за экспортом производственных объектов профильной инфраструктуры.

Режим формирует единый стандарт процедур экспортного контроля стран-участниц РКРТ, способствуя повышению уровня их универсализации. Так, лицензированию подлежат не только системы, материалы, оборудование и технологии, применяющиеся при создании баллистических и крылатых ракет, но и другие компоненты, которые могут быть использованы в рамках национальных ракетных программ региональных государств, что, в свою очередь, способствует экспортному контролю за более широкой номенклатурой профильного оборудования.

При вступлении в РКРТ государства обязуются соблюдать эти правила, однако ещё в 1990 г. США дополнили их национальным законодательством, предусматривающим введение санкций против нарушителей режима. При этом под санкции не подпадает сделка, одобренная каким-либо партнером по режиму. Эти санкции продемонстрировали, по оценкам специалистов, свою эффективность, заставив ряд «вызывающих озабоченность» государств придерживаться экспортных ограничений.

Решение о приёме новых участников в РКРТ принимается на основе консенсуса и основано на соблюдении следующих критериев: устойчивая приверженность принципам ракетного нераспространения, эффективная правовая система экспортного контроля, способность гарантировать выполнение Руководящих принципов. Существенна оговорка: государство может принять решение о соблюдении Руководящих принципов, но не участвовать в самом режиме.

Как и в рамках других режимов экспортного контроля страны – участницы РКРТ в ходе ежегодных пленарных заседаний проводят общую оценку рисков ракетного распространения, включая обсуждение вызывающих озабоченность национальных ракетных программ региональных государств. Неизменно, как правило, подчёркивается, что Руководящие принципы носят общий характер и не направлены против какого-либо «проблемного» государства. Однако в качестве положительного примера в 2004 г. упоминалось решение Ливии отказаться от программ по созданию ОМУ и баллистических ракет.²² Американское руководство назвало «решение Ливии об отказе при международном контроле от создания оружия массового уничтожения и ракет большой дальности ярким примером того, что государство может освободиться от ракетно-ядерного оружия без смены режима».²³ Также на одном из заседаний был принят призыв к Сирии укрепить национальную систему экспортного контроля.

Как технологический и системный картель поставщиков РКРТ стал важным средством международной координации целей ракетного нераспространения. Во взаимодействии с традиционной дипломатической активностью режим позволил существенно ограничить потоки ракет и ракетных технологий в третьи страны. Так, одним из самых заметных достижений режима стало прекращение совместной ракетной программы «Кондор» (Condor), в рамках которой Аргентина, Египет и Ирак планировали создать национальный ракетный арсенал. Помимо ограничения технологических потоков, режим превратился ещё и в инструмент дипломатии. Взяв курс на расширение количества новых сторонников режимных нормативов, партнёры по РКРТ смогли привлечь повышенное внимание других потенциальных поставщиков к необходимости ограничения ракетного распространения.

IV.

В тоже время международные усилия по сдерживанию распространения баллистических и крылатых ракет столкнулись в постбиполярном мире с серьёзными проблемами. Ряд развивающихся стран приобрел техническую возможность производить в рамках национальных ракетных программ баллистические ракеты средней и меньшей дальности. Кроме того, некоторые региональные государства начали активно работать над созданием многоступенчатых баллистических ракет межконтинентальной дальности. Становится всё более очевидным, что РКРТ не в состоянии обеспечить достаточно эффективный заслон на пути ракетного распространения. Его участники добровольно обязались придерживаться определённых принципов и

правил в ракетном экспорте, проявлять ответственность и сдержанность в такого рода передачах, а также координировать национальную политику в этой области. Это, конечно, не мало, но недостаточно для надежного сдерживания начавшихся процессов. Попытки же некоторых стран придать РКРТ наднациональные функции, мотивируя их «недостаточностью» национальных механизмов контроля за ракетным экспортом, общей поддержки не получили. Слишком памятна была деятельность ещё одного международного органа – Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom)²⁴ – натовского механизма экспортного контроля периода холодной войны над высокотехнологичным экспортом в страны «восточного блока», в значительной мере обладавшего такими функциями.

Использование в рамках РКРТ политического диалога, а где это необходимо – и экономических рычагов, в 1990-е гг. способствовало отказу Аргентины, Бразилии и ЮАР от национальных ракетных программ. Однако эти позитивные заделы не получили дальнейшего развития. Постепенно партнёры по режиму убеждались в том, что современные проблемы в области ракетного распространения невозможно решить, используя только инструментарий РКРТ. Хотя его участники и являются основными экспортёрами ракет и ракетных технологий, они ныне уже не обладают монополией на них и, что самое главное, не могут оказывать существенного сдерживающего воздействия на рост числа государств, поставивших себе целью – создать национальный ракетный арсенал. Попытки же наладить работу от имени РКРТ как коллективного органа с так называемыми «непартнёрами» – государствами, обладающими ракетным арсеналом и, по сути, ставшими главными «пролиферантами» (т.е. странами, способствующими ракетному распространению) в этой области, ощутимого эффекта пока не принесли.

Серьезным минусом ситуации является то обстоятельство, что до сих пор большая группа стран, взявшая курс на создание национального ракетного арсенала, остается вне рамок коллективных усилий по ракетному нераспространению. Как правило, эти государства рассматривают многосторонние режимы экспортного контроля, в частности РКРТ, как дискриминационные, призванные закрепить военно-техническое превосходство ведущих государств. При этом ряд так называемых «проблемных» стран благодаря своей политике в области приобретения ракет и ракетных технологий перешла в разряд стран-париев.

Между тем, проблема эффективности РКРТ зависит от уровня сотрудничества между странами, «вызывающими озабоченность», и государствами – участниками РКРТ. Всё более актуальным становится появление международно-правовых норм, устанавливающих юридическую ответственность государств за неконтролируемое распространение ракет и ракетных технологий, учитывая, что такие механизмы уже имеются для ядерных материалов и технологий. К тому же со времени учреждения РКРТ в международном экспертном сообществе раздаются призывы преобразовать его из договоренности поставщиков в универсальный и юридически обязывающий договор. В свою очередь, различные международные разоруженческие

инициативы последовательно выступают за принятие универсальной нормы, регулирующей разработку, испытание, передачу, приобретение, развертывание и применение баллистических и крылатых ракет. Однако международные усилия, направленные на создание такой универсальной нормы, по сути, мало что дали.

Продолжающееся быстрое развитие национальных ракетных программ в ряде региональных государств ставит в практическую плоскость вопрос о выработке нового международного механизма, не только дополняющего существующий режим добровольно принятых на себя странами-членами РКРТ ограничений на ракетный экспорт, но и всесторонне регулирующего поведение государств в ракетной области. Мировой общественностью и политическими структурами все в большей мере осознается необходимость разработки и принятия комплекса мер, направленного на нейтрализацию мотивов приобретения ракет военного назначения рядом «проблемных» стран и стимулирование добровольного отказа от ракетных средств доставки ОМУ через гарантии безопасности наряду со свободным доступом к результатам гражданской ракетно-космической деятельности.

V.

В числе позитивных сторон в целом весьма противоречивого опыта по сдерживанию гонки ракетных вооружений заслуживают быть отмеченными многосторонние усилия, предпринятые в основном странами – участницами РКРТ в деле разработки Международного кодекса поведения (МКП) по предотвращению распространения баллистических ракет²⁵ и направленные на обеспечение более широкой поддержки международному режиму ракетного нераспространения. Ещё на стадии разработки проекта кодекса в рамках РКРТ было условлено, что, какими бы ни были итоги этого процесса, речь не должна идти о юридически обязывающем договоре. Такой статус в документе чётко не сформулирован, однако это отражено в положениях о намерениях. В процессе разработки проекта МКП существенное внимание уделялось тому, чтобы кодекс не поставил под вопрос само существование РКРТ. МКП не только ориентирован на задачу нераспространения баллистических ракет, но и содержит намерение на свёртывание национальных ракетных программ региональных государств посредством позитивного сотрудничества (например, предоставления субсидируемых услуг по запуску гражданских космических аппаратов) с теми странами, которые воздерживаются от создания баллистических ракет и космических ракет-носителей.

МКП призвал подписавшиеся государства «проявлять максимально возможную сдержанность при разработке, испытании и развертывании баллистических ракет, способных доставлять оружие массового уничтожения, в том числе сокращать там, где это возможно, национальные арсеналы таких ракет в интересах обеспечения мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях». Документ также содержит призыв к подписавшим его государствам проявлять бдительность при оказании помощи в рамках программ по созданию космических ракет-носителей в других странах с тем, чтобы

предотвратить содействие развитию средств доставки ОМУ. Такая озабоченность объясняется тем, что национальные программы по созданию космических ракет-носителей могут быть использованы в качестве прикрытия для разработки баллистических ракет вследствие технологического сходства между двумя типами ракет.

Наиболее серьёзную проблему в период разработки проекта МКП и придания ему многостороннего характера создавала сама двойственность ракетных технологий. Так, военно-политическое руководство ряда ведущих стран придерживалось точки зрения, согласно которой господствует более или менее полная технологическая эквивалентность между баллистическими ракетами и космическими ракетами-носителями. В свою очередь, руководство, прежде всего, «проблемных» стран утверждало, что на практике наличествует значительная разница в ракетных технологиях гражданского и военного назначения и поэтому их поставки не будут оказывать кардинального влияния на международную и региональную безопасность. Следует отметить, что функциональная эквивалентность двух типов ракет действительно существует, а потому исходить следует из ограниченной возможности сотрудничества государств в сфере космических ракет-носителей без одновременного их вовлечения в процесс передачи технологий, который мог бы способствовать развитию производства баллистических ракет. Эта проблема, как представляется, непосредственно связана с вопросом о стимулах, которые можно предлагать государствам, решившим отказаться от создания баллистических ракет, но стремящимся в то же время сохранить программу производства космических ракет-носителей.

Несмотря на оставшиеся нерешенными проблемы, подписание МКП означало серьёзный качественный рывок в области ракетного нераспространения. В то же время большинство государств, чьё участие было бы особенно желательно, не сделали этого, за исключением Ливии. Ни одно из государств, которые были определены международными экспертами, как «активно стремящиеся к созданию баллистических ракет межконтинентальной дальности», не присоединились к МКП. Приходится констатировать, что пока ещё отсутствуют универсальные нормы относительно ответственности за передачу ракет и ракетных технологий, применимые к государствам – их владельцам, которые остаются вне рамок международного режима ракетного нераспространения. При этом одна из стран-участниц РКРТ – Бразилия – не присоединилась к МКП.

Перспективы в этой области остаются неопределёнными. Однако просматриваются и некоторые позитивные тенденции. Так, аналитик Центра по исследованию проблем нераспространения Монтерейского института международных отношений Д. Гормли в своей статье²⁶ утверждает, что слишком часто специалисты по оборонному планированию необоснованно исходят из предпосылки неэффективности мер по нераспространению ракет и ракетных технологий. «В действительности же, – пишет он, – Режим контроля за ракетными технологиями сыграл существенную роль в сдерживании распространения баллистических ракет в качественном отношении».

Среди работ сторонников создания международно-правового режима

ракетного нераспространения выделяется книга известного американского эксперта Д. Мистри «Сдержатъ ракетное распространение: стратегическая технология, режимы безопасности и международное сотрудничество в области контроля над вооружениями».²⁷ В ней он, подробно анализируя РКРТ, полагает, что «международный режим ракетного нераспространения может значительно замедлить сроки создания региональными государствами ракетного арсенала».²⁸ Недостаточными для ограничения ракетного распространения он считает меры транспарентности, предусматриваемые МКП, поскольку они не ставят ни политических, ни правовых барьеров против действий государств в этой области и не создают стимулов для этого. Если не принять необходимых дополнительных мер, то региональные государства, по его мнению, будут и дальше продолжать развивать национальные ракетные программы, что может привести к неконтролируемому распространению ракет и ракетных технологий. Для сдерживания этого процесса в глобальном масштабе Д. Мистри дает следующие рекомендации:

- всеобъемлющий запрет на запуски всех баллистических ракет межконтинентальной дальности;
- формирование региональных зон, свободных от баллистических ракет;
- полное запрещение баллистических ракет средней дальности;
- ограничения на испытательные полёты;
- создание механизма верификации.

Такие меры, по его мнению, «создадут твёрдые институциональные барьеры» для укрепления международного режима ракетного нераспространения, что вполне достижимо в политическом плане в результате ряда международных инициатив.

Другие эксперты полагают, что международные договорённости, не имеющие юридически обязывающего характера (как в случае с РКРТ и МКП), являются эффективными, но недостаточными механизмами экспортного контроля.²⁹ Однако на практике трудно представить, по их мнению, формальный, юридически обязывающий договорный режим, который мог бы обеспечить эффективное решение проблемы ракетного распространения. Это относится, прежде всего, к крылатым ракетам и беспилотным летательным аппаратам.

Между тем, в условиях глобальной трансформации мирового порядка вряд ли следует рассчитывать на быстрое продвижение к созданию юридически обязывающего, всеобъемлющего режима ракетного нераспространения, который мог бы прийти на смену РКРТ или дополнить МКП. Одна из причин такого положения состоит в том, что, по сложившимся представлениям, контроль за ракетным распространением имеет подчинённый характер по отношению к режиму ядерного нераспространения, поскольку применение ракет – лишь одно из средств доставки ОМУ. При этом в случае прекращения действия механизмов ядерного нераспространения повышение эффективности международного режима ракетного нераспространения не будет такой важной задачей.

В целом же, последовательное ужесточение контроля за

распространением ракет и ракетных технологий в контексте укрепления механизмов ядерного нераспространения является не только вполне оправданным, но и необходимым процессом. Стремительное развитие ракетно-космической техники, автоматизированных систем боевого управления, средств спутниковой навигации, расширение трансграничного оборота чувствительных технологий двойного назначения, стратегической информации и высококвалифицированных специалистов делают баллистические и крылатые ракеты всё более привлекательными средствами доставки ОМУ как для «несостоявшихся» государств, так и для международных террористических структур.³⁰ Между тем, применение ракет даже в обычном оснащении для ударов по объектам высокого риска (АЭС, ГЭС, распределительные сети различного назначения) уже в краткосрочной перспективе может поставить вопрос об укреплении международного режима ракетного нераспространения как о вполне самостоятельной, а не подчинённой проблеме ядерного нераспространения.

Существующие правовые нормы международного режима ракетного нераспространения могут и должны быть модифицированы с учетом растущих требований контроля за распространением баллистических и крылатых ракет для эффективного ограничения и сдерживания масштабов и темпов ракетного распространения. При этом самым оптимальным средством его прекращения мог бы стать, как представляется, всеобъемлющий, недискриминационный, международно-правовой режим, охватывающий все виды гражданской и военной ракетной деятельности, а также обеспечивающий открытость и контролируемость для всех его участников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В соответствии с принятой в США классификацией, все баллистические ракеты подразделяются на следующие категории: малой дальности – до 1 тыс. км; средней дальности – 1–3 тыс. км; промежуточной дальности – 3–5,5 тыс. км; межконтинентальной дальности – свыше 5,5 тыс. км.

² Rumsfeld D., Blechman B., Butler L., Garwin R., Graham W., Schneider W., Welch L., Wolfowitz J., Woolsey J. Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States (Rumsfeld Commission Report). Washington D.C., 15 July 1998.

³ Foreign Missile, Developments and the Ballistic Missile Threat to the United States through 2015. – Washington D.C.: National Intelligence Council, Sept. 1999.

⁴ Quadrennial Defense Review Report. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, Office of the Secretary of Defense, 30 September 2002.

⁵ Arms Control and Missile Proliferation in the Middle East / Ed. by Kubbig B., Fikenscher S. – Abingdon: Routledge, 2012; Henriksen T. America and the Rogue States. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012.

⁶ Planning the Unthinkable: How New Powers will Use Nuclear, Biological, and Chemical Weapons / Ed. by Lavoy P., Sagan S., Wirtz J. – Ithaca: Cornell University Press, 2000; Sagan S. The commitment trap: why the United States should not use nuclear threats to deter biological and chemical weapons attacks // *International Security*. Spring 2000. P. 85–115; Butler R. The Greatest Threat: Iraq, Weapons of Mass Destruction, and the Growing Crisis of Global Security. – N.Y.: Public Affairs, 2000.

⁷ Repairing the Regime: Preventing the Spread of Weapons of Mass Destruction / Ed. by Cirincione J. – N.Y.: Routledge, 2000; Cirincione J., Walfsthal J., Rejkumar M. Deadly Arsenal: Tracking Weapons of Mass Destruction. – Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

⁸ Gormley D. Hedging against the cruise missile threat // *Survival*. Spring 1998. P. 92–111; Gates R. Chairman Independent Panel Review of Emerging Missile Threats to North America During the Next 15 Years. Washington D.C., Dec. 1996.

⁹ Gormley D. Enriching expectations: 11 September's lessons for missile defense // *Survival*. Summer 2002. P. 19–35.

¹⁰ Kiselycznyk M., Saunders P. Assessing Chinese Military Transparency. – Washington D.C.: National Defense University Press, 2010.

¹¹ Norris R., Kristensen H. Chinese nuclear forces, 2013 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. Nov./Dec. 2013. P. 79–85; Taylor F., Medeiros E. China's search for assured retaliation: the evolution of Chinese nuclear strategy and force structure // *International Security*. Fall 2010. P. 48–87; Lewis J. The Minimum Means of Reprisal: China's Search for Security in the Nuclear Age. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2007.

¹² Annual Report to Congress on Military Power of the People's Republic of China 2014. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, Office of the Secretary of Defense, 2014.

¹³ North Korean Security Challenges: A Net Assessment / Ed. by Fitzpatrick M. – L.: The International Institute for Strategic Studies, July 2011.

¹⁴ Iran's Ballistic Missile Capabilities: A Net Assessment. – L.: The International Institute for Strategic Studies, May 2010; Elleman M. Containing Iran's missile threat // *Survival*. February/March 2012. P. 119–126.

¹⁵ Fitzpatrick M. Iran: the fragile promise of the fuel swap plan // *Survival*. June/July 2010. P. 67–94; Iran's Nuclear Programme: Strategic Implications / Ed. by Krause J. – Abingdon: Routledge, 2012; Dobbins J. Coping with a nuclearising Iran // *Survival*. Dec. 2011/Jan. 2012. P. 37–50; Parasiliti A. Iran: Diplomacy and Deterrence // *Survival*. Oct./Nov. 2009. P. 5–13; Parasiliti A. Closing the deal with Iran // *Survival*. Aug./Sept. 2012. P. 33–41; Mousavian S. The Iranian Nuclear Crisis: A Memoir. – Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2012; Iran's Nuclear, Chemical and Biological Capabilities: A Net Assessment. – L.: The International Institute for Strategic Studies, Feb. 2011.

¹⁶ Ganguly S. Nuclear stability in South Asia // *International Security*. Fall 2008. P. 45–70; Salik N. The Genesis of South Asian Nuclear Deterrence: Pakistan's Perspective. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2010; Narang V. Posturing for peace? Pakistan's nuclear postures and South Asian stability // *International Security*. Winter 2009/2010. P. 38–78;

Kristensen H., Norris R. Pakistan's nuclear forces, 2011 // Bulletin of the Atomic Scientists. July/Aug. 2011. P. 91–99.

¹⁷ Kapur P. Ten years of instability in a nuclear South Asia // International Security. Fall 2008. P. 71–94; Norris R., Kristensen H. Indian's nuclear forces, 2012 // Bulletin of the Atomic Scientists. July/Aug. 2012. P. 96–101; Inside Nuclear South Asia / Ed. by Sagan S. – Stanford: Stanford University Press, 2009.

¹⁸ Kristensen H., Norris R. Israeli Nuclear Weapons 2014 // Bulletin of the Atomic Scientists. Nov./Dec. 2014. P. 97–115; Cohen A. The Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb. – N.Y.: Columbia University Press, 2010; Maoz Z. The mixed blessing of Israel's nuclear policy // International Security. Fall 2003. P. 44–77; Cohen A. Israel and the Bomb. – N.Y.: Columbia University Press, 1998.

¹⁹ Режим контроля за ракетными технологиями – неформальная группа стран, задача которой заключается в координации национальных усилий в области лицензирования экспорта, направленных на предотвращение распространения ракетных систем, способных служить средством доставки оружия массового уничтожения. Участники режима применяют Руководящие принципы передачи чувствительных ракетных технологий. По состоянию на начало 2014 г. партнёрами в рамках режима являются 34 государства (в том числе США и Россия).

²⁰ Категория I включает: полные системы баллистических ракет, крылатых ракет, беспилотных летательных аппаратов; полные подсистемы, а также специально созданное для их производства оборудование; отдельные ступени ракет; головные части боеголовок; твердотопливные и жидкостные ракетные двигатели; комплекты систем наведения; системы контроля вектора тяги; механизмы обеспечения безопасного хранения боеголовок, их приведения в боеготовность, установки запалов и подрыва.

²¹ Категория II включает: компоненты двигательных систем; ракетное топливо и его компоненты; технологию и оборудование по производству ракетного топлива; конструкционные материалы; навигационное оборудование; программное обеспечение; технологию сборки и обслуживания; системы управления полетом; авиационную радиоэлектронику; сооружения, средства и оборудование для запуска и профильную наземную инфраструктуру; бортовые компьютеры ракет и других летательных аппаратов; цифро-аналоговые преобразователи; технологии, материалы и приборы для воздействия на средства наблюдения; средства защиты от факторов ядерного поражения.

²² Squassoni S., Feickert A. Disarming Libya: Weapons of Mass Destruction. – Washington D.C.: Congress Research Service, 2004.

²³ Bolton J. The Bush Administration's Forward Strategy for Nonproliferation. – Washington D.C.: The American Enterprise Institute, June 2004.

²⁴ Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю был создан Соединенными Штатами и их союзниками в 1949 г. с целью ограничения потока передовых технологий в страны «советского блока», распущен в марте 1994 г. Комитетом была разработана стратегия «контролируемого технологического отставания». Членами КОКОМ были 17 государств.

²⁵ Международный кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет был подписан в ноябре 2002 г. группой стран, разделяющих его

принципы о необходимости противодействовать развертыванию баллистических ракет, способных служить средством доставки оружия массового уничтожения. По состоянию на начало 2014 г. кодекс подписали 134 государства (в том числе США и Россия). Среди стран, не подписавших МКП, – Китай, Индия, Израиль, Иран, Северная Корея, Пакистан и Сирия.

²⁶ Gormley D. Missile defense myopia: lessons from Iraq War // *Survival*. Winter 2003–2004. P. 61–86.

²⁷ Mistry D. *Containing Missile Proliferation: Strategic Technology, Security Regimes, and International Cooperation in Arms Control*. – Seattle: University of Washington Press, 2003.

²⁸ Mistry D. Beyond the MTCR: building a comprehensive regime to contain ballistic missile proliferation // *International Security*. Spring 2003. P. 119–149.

²⁹ Dean J. *Main Points of a Possible Treaty for Controlling the Global Missile Control Treaty*. – Washington D.C.: Union of Concerned Scientists, 2002.

³⁰ Karp A. Going ballistic? Reversing missile proliferation // *Arms Control Today*. June 2005. P. 3–5.